

Оценка по замыкающей сделке и судебный прецедент. Комплементарность одноконтурных денег и общего права

Сухомлинов Владимир Владимирович

Независимый исследователь, индивидуальный предприниматель

105203, Россия, Москва, ул. 12-ая Парковая, д. 7, пом. 23

Электронная почта 8vladimir8@gmail.com, v@8vladimir8.ru

В работе выдвигается и всесторонне разбирается гипотеза о том, что принцип оценки всего накопленного запаса благ и активов по цене замыкающей сделки, характерный для денежного обращения с единым контуром кредитных денег, институционально родствен системе судебного прецедента. Оба института воплощают один порядок предельной переоценки, при котором стоимость или смысл целого определяется последней авторитетной единицей, сделкой или решением. Тезис подкреплён историческим исследованием параллельного становления обоих порядков в Англии, философским исследованием их общих оснований и обзором доказательной базы по пяти проверяемым положениям. Показано, что рыночная переоценка сильнее и своевременнее в юрисдикциях общего права, что оба порядка развивались совместно и восходят к общей онтологии стоимости из обмена, и что правовая семья усиливает рассматриваемое начало, тогда как решающей переменной остаётся устройство денежного контура. Контрпримеры одноконтурных крахов в странах кодифицированного права показывают, что правовая семья лишь усиливает рассматриваемый эффект, но не является его причиной. На российском материале от вечевых Новгородов до советской экономики и постсоветских реформ, рассмотренном как естественный эксперимент по обеим осям, денежная часть тезиса подтверждается наглядно, а правовая часть лишь отчасти. Работа продолжает исследовательскую программу автора [Сухомлинов, 2026а; Сухомлинов, 2026б; Сухомлинов, 2026в].

Ключевые слова. ценовой зонтик, замыкающая цена, судебный прецедент, общее право, правовые истоки, справедливая цена, номинализм, спонтанный порядок, двухконтурное денежное обращение.

Коды JEL. B11, B52, E42, G12, K11, K40, P51.

1. Введение

Настоящая работа продолжает исследовательскую программу автора по устойчивости многоконтурных хозяйственных систем [Сухомлинов, 2026а; Сухомлинов, 2026б; Сухомлинов, 2026в]. В этих работах обоснованы неустойчивость единого контура кредитных денег и преимущества двухконтурной архитектуры. Отправным для настоящей работы служит наблюдение о том, что денежное обращение с единым контуром переоценивает весь накопленный запас благ и активов по цене замыкающей сделки, вследствие чего подорожание последней единицы распространяется на запас, приобретённый ранее и по более низкой цене. Это явление здесь названо ценовым зонтиком. В работе выдвигается гипотеза о том, что принцип оценки по замыкающей сделке институционально родствен системе судебного прецедента и что оба института тяготеют к хозяйственным и правовым укладам англосаксонского типа.

К этой гипотезе побуждает следующее наблюдение. Наиболее глубокие рыночные финансовые системы, в которых рыночная переоценка активов по последней сделке стала нормой, исторически сложились в юрисдикциях общего права, прежде всего в Лондоне и Нью-Йорке. В этих же юрисдикциях право развивается по прецеденту, при котором смысл всего корпуса норм задаётся последним авторитетным решением. Совпадение двух порядков предельной переоценки, ценового и правового, ставит вопрос об их институциональной комплементарности, историческом сродстве и общем философском основании.

Работа устроена следующим образом. Раздел 2 уточняет понятия. Раздел 3 формулирует структурную гомологию и сводит её в таблицу соответствий. Раздел 4 прослеживает историческую параллель. Раздел 5 раскрывает философские основания. Раздел 6 оценивает состояние литературы и очерчивает пробел. Раздел 7 формулирует пять проверяемых положений работы. Раздел 8 собирает по ним доказательную базу. Раздел 9 разбирает российский опыт. Раздел 10 описывает стратегию дальнейшей проверки. Раздел 11 подводит общий итог.

2. Основные понятия

2.1. Замыкающая цена и ценовой зонтик

Под замыкающей ценой понимается цена последней сделки, определяющая рыночную переоценку всего однородного запаса. В теории оценки активов ей соответствует понятие предельного инвестора, а в оптовой электроэнергетике роль замыкающей цены исполняет цена последней включённой в диспетчерский график станции [Hotelling, 1938; Schweppe et al., 1988]. Ценовой зонтик определяется как перенос изменения замыкающей цены на цену уже накопленного запаса того же рынка. Силу зонтика удобно описывать двумя качественными величинами. Первая есть скорость переноса, то есть быстрота, с которой подорожание последней сделки передаётся всему запасу. Вторая есть степень самоусиления, при которой переоценка через залоговую стоимость и кредит подстёгивает следующую сделку. Само понятие эффекта зонтика восходит к теории ценового лидерства [Bain, 1956; Modigliani, 1958] и к антимонопольному анализу картельного зонтика [Inderst et al., 2014].

2.2. Судебный прецедент

Система судебного прецедента, характерная для общего права, действует по принципу *stare decisis* (лат. «стоять на решённом»), при котором ранее вынесенное авторитетное решение связывает суд в последующих сходных делах. Смысл всего корпуса права уточняется каждым новым прецедентом, который переопределяет ожидания сторон по всей совокупности сходных дел. В кодифицированном романо-германском праве, напротив, решение выводится из заранее установленной нормы кодекса. Прецедент описан в литературе как капитальный запас, амортизирующийся во времени и оцениваемый по числу ссылок [Landes, Posner, 1976], а его эволюция представлена как последовательность малых предельных шагов [Gennaioli, Shleifer, 2007].

3. Структурная гомология двух порядков переоценки

Центральное положение работы состоит в том, что оценка по замыкающей сделке и оценка по последнему прецеденту образуют один порядок предельной переоценки, приложенный к ценам и к нормам. В обоих институтах стоимость или смысл всего накопленного запаса определяется последней авторитетной единицей, сделкой или решением, а прежние единицы переоцениваются вслед за ней. И наоборот, кодифицированное право и оценка по исторической стоимости следуют заранее установленной норме, при которой значение целого задаётся ею и остаётся независимым от последней единицы. Соответствия сведены в таблицу 1.

Таблица 1. Сопоставление предельной и нормативной оценки

Измерение	Оценка по замыкающей единице	Оценка по установленной норме
Что задаёт стоимость целого	Последняя (замыкающая) сделка	Заранее установленное правило, кодекс, план
Правовой аналог	Последний авторитетный прецедент, stare decisis	Кодифицированная норма
Способ переоценки запаса	Рыночная переоценка по последней сделке	Историческая стоимость, нормативная оценка
Тип порядка	Эмерджентный, индуктивный	Сконструированный, дедуктивный
Учётная норма	Справедливая рыночная стоимость	Осмотрительность, консерватизм
Модель финансов	Рыночная, биржевая	Банковская, отношенческая
Денежная архитектура	Единый контур кредитных денег	Два обособленных контура

Источник. Составлено автором.

Та же симметрия воспроизводится в бухгалтерской норме, и различие здесь особенно наглядно. Англо-американская традиция опирается на оценку по справедливой рыночной стоимости. Актив периодически переоценивается по текущей рыночной цене, нереализованные приросты и потери признаются немедленно, вследствие чего весь портфель оценивается по последней котировке. Это и есть учётная форма зонтика, при которой цена замыкающей сделки распространяется на весь однородный запас. Континентальная традиция опирается на противоположные начала осмотрительности и исторической стоимости. Актив учитывается по цене приобретения, прибыль признаётся лишь по факту её реализации, а при падении рыночной цены применяется правило наименьшей оценки, что допускает и скрытые резервы. Значение задаётся ценой приобретения и остаётся независимым от последующих сделок. Эмпирически это различие проявляется в том, что прибыль своевременнее и асимметричнее отражает рыночные новости в странах общего права и сглажена в странах кодифицированного права [Basu, 1997; Ball, Kothari, Robin, 2000], а сами национальные учётные традиции устойчиво делятся на англо-американскую и континентальную группы [Nobes, 1983].

Родство двух порядков лежит глубже совпадения формы. И рынок, и прецедентное право решают одну задачу, а именно устанавливают единственный исход в положении, в котором стороны расходятся и нет заданной заранее формулы. Справедливую цену невозможно вывести из общих начал, правильную норму тоже. Оба порядка заменяют доказательство решением, при котором совершённая сделка задаёт рыночную цену, а вынесенное дело устанавливает право, и этот частный, но авторитетный акт становится публичной точкой отсчёта для остальных. В обоих случаях действует одна процедура, порождающая общую оценку из частных актов по сходству, подобное сравнивается с подобным, а спор идёт через различие несходных случаев. Схоластическое понятие общей оценки, *communis aestimatio*, при котором справедливая цена есть то, к чему сходится суждение рыночного сообщества, и обычай-прецедент, при котором право есть то, к чему сходится суждение правового сообщества, суть одна идея, приложенная к стоимости и к норме. Это и составляет ядро гомологии.

Столь же существенны и границы этого родства, обозначить которые следует прямо. Цена текуча, децентрализована и обратима, поскольку следующая сделка мгновенно её отменяет, тогда как прецедент вязок, создан монополией уполномоченных судей и обращён в будущее, поскольку *stare decisis* сопротивляется отмене. Цена описывает сущее, прецедент предписывает должное, и между ними лежит различие факта и нормы. Наконец, цена непрерывна, а право движется дискретными скачками нового различения. Отсюда следует и терминологическая осторожность. Слово «предельный» здесь означает относящийся к последней, замыкающей единице, и в этом смысле оно приложимо к прецеденту, тогда как

маржинализм 1871 года есть теория субъективной предельной полезности и исчисления малых приращений, к прецеденту неприменимая. По этой причине связь двух порядков описывается как гомотопия, то есть общий структурный план при разной реализации, и не как изоморфизм, требующий поэлементного тождества.

В таблице 1 сведены несколько различных противопоставлений, которые коррелируют неполно, и это тоже требует оговорок. Единый и двойной контур денег, общее и кодифицированное право, рыночная и банковская модель финансов совпадают между собой неполно. Германия, к примеру, опирается на банковское финансирование, однако сохраняет единый контур кредитных денег без барьера Маккиннона, поэтому банковская модель не тождественна двухконтурной архитектуре. Из таблицы видно сродство столбцов, но не их равенство. Существенно и то, что правовая гомотопия не выдвигается как самостоятельная причина. Решающей переменной остаётся устройство денежного контура, а параллель с прецедентом служит средством прояснения природы ценового порядка как процедуры общей оценки и источником гипотезы о правовой семье как модераторе. В этом её роль, и большего ей не приписывается.

4. Историческая параллель двух порядков переоценки

Гомотопия из раздела 3 имеет историческое подтверждение. Оба порядка предельной переоценки складывались в Англии синхронно и в тесном институциональном соседстве. Ниже прослеживается эта параллель по четырём линиям, а её хронология сведена в таблицу 2.

4.1. Генезис общего права и незапамятного обычая

Общее право сложилось как единое королевское право после реформ Генриха II во второй половине XII в., когда разъездные королевские судьи распространили общие для всего королевства формы исков. Раннее общее право понималось как обычай незапамятной древности (*immemorial custom*). Юристы XVII в., прежде всего Эдуард Кок и Мэтью Хейл, возвели этот образ в доктрину древней конституции, согласно которой общее право существует с незапамятных времён и лишь провозглашается судами [Роскок, 1957]. Записи *Year Books* с XIII в. и позднейшие судебные отчёты закрепляли решения как материал для последующих дел, однако строгая иерархия прецедента оформилась поздно. Упорядочение судебных отчётов в 1865 году сделало возможной жёсткую доктрину, а решение Палаты лордов по делу *London Street Tramways* против *London County Council* в 1898 году установило, что высшая инстанция безусловно связана собственными прежними решениями [*London Street Tramways*, 1898]. Существенно, что предельный принцип действовал и до формального ужесточения, так как смысл права уточнялся последним авторитетным решением. Показательно и то, что Палата лордов перестала считать себя безусловно связанной собственными решениями уже в 1966 году, а на рынке ничего похожего не произошло. Это подчёркивает и позднее происхождение строгого прецедента, и его вязкость, отличающую его от текущей цены.

4.2. Купеческое право и правовая сила рыночной сделки

Параллельно общему праву в средневековой Англии действовало купеческое право, регулировавшее ярмарки, рынки и оборотные документы. Его центральной чертой была прямая правовая сила рыночной сделки. Доктрина открытого рынка, известная как *market overt* и восходящая к XII в., придавала покупке, совершённой добросовестно на публичном рынке в светлое время суток, силу окончательного правового титула, причём происхождение вещи более не подлежало оспариванию [Baker, 2019]. Открытая рыночная сделка сама превращалась в источник права, определяя одновременно цену и титул. В XVIII в. лорд Мэнсфилд завершил включение купеческого права в общее право, трактуя торговый обычай как норму, подтверждённую решениями судов [Holdsworth, 1925]. Тем самым рыночная практика и прецедент сомкнулись в едином институте. Пример открытого рынка следует брать с оговоркой, поскольку эта доктрина касалась титула и не затрагивала оценку, оставалась узким исключением и была отменена в 1994 году, так что она иллюстрирует прямую силу рыночной сделки, но не доказывает её [Baker, 2019].

4.3. Рынки капитала и переоценка по последней цене

Рыночная переоценка активов по последней сделке сложилась как институт в Лондоне на рубеже XVII и XVIII вв. Изгнанные с Королевской биржи маклеры перешли в кофейни, а в 1698 году Джон Кастен начал вывешивать в кофейне Джонатана курсы акций, облигаций и векселей и издавать листок *Course of the Exchange*, ставший первым регулярным свидетельством организованной торговли ценными бумагами в Лондоне [Neal, 1990]. Публикуемая последняя цена превращалась в общепринятую оценку всего однородного запаса бумаг. Учреждение Лондонской фондовой биржи в 1801 году закрепило практику оценки по текущей котировке. Две оговорки важны для точности. Во-первых, маржинальная революция 1871 года дала теорию субъективной предельной полезности, отличную от переоценки запаса по последней сделке, поэтому её не следует смешивать с рассматриваемым механизмом [Jevons, 1871]. Во-вторых, современный режим рыночной переоценки в Нью-Йорке держится в значительной мере на статутах, прежде всего на законах о ценных бумагах 1933 и 1934 годов, то есть на писаном законодательстве, что усложняет простое отнесение его к общему праву. Первая же биржа с непрерывной рыночной оценкой возникла в Амстердаме вокруг акций Ост-Индской компании в 1602 году, в правовой среде римско-голландского типа [Neal, 1990], поэтому оценка по последней сделке шире общего права.

4.4. Континентальная противоположность

Континентальная традиция развивалась по встречному образцу, и её линию стоит проследить с той же подробностью. Отправной точкой послужило возрождение изучения римского права в Болонье на рубеже XI и XII вв., когда глоссаторы во главе с Ирнерием заново прочли Свод гражданского права Юстиниана, а позднейшие комментаторы приспособили его к нуждам практики. Из этого выросло общее учёное право континента, так называемое *ius commune*, распространявшееся через университеты и учёную корпорацию [Wieacker, 1995]. Существенно, что источником права здесь выступали авторитетный текст и его систематическое толкование, тогда как рынок и отдельное решение такой роли не играли. В отличие от английского обычая, право мыслилось как заранее данный корпус норм, из которого решение выводится дедуктивно. Немецкая пандектистика XIX в. довела этот подход до строгой системы понятий, а сама традиция приобрела черты профессорского права, творимого учёными, тогда как роль судей оставалась второстепенной. Кульминацией стала кодификация, от прусского Земского уложения 1794 года и Гражданского кодекса Наполеона 1804 года до Германского гражданского уложения 1900 года, каждый раз закреплявшая оценку по заранее установленной норме [Wieacker, 1995]. Той же логике отвечала доктрина справедливой цены, укоренённая у Аристотеля и Фомы Аквинского и развитая канонистами. Существенная оговорка состоит в том, что позднесcholasticкий анализ сам сблизил справедливую цену с рыночной. Как показал де Ровер, схоласты отождествляли справедливую цену с ценой общей оценки участников рынка, а Доминго де Сото и Луис де Молина отвергали определение цены издержками производства [de Roover, 1958]. Тем самым континентальная линия соединяла нормативную оценку в праве с постепенным признанием рыночной цены в теории стоимости.

Таблица 2. Хронологическое сопоставление двух линий

Период	Линия предельной оценки (общее право, рыночная цена)	Линия нормативной оценки (кодекс, справедливая цена)
XII век	Реформы Генриха II, доктрина открытого рынка	Возрождение изучения римского права
XIII-XIV века	Year Books, обычай как источник права	Схоластическая доктрина справедливой цены
1602-1698	Биржа в Амстердаме, курсовой листок Кастена	Пандектная систематизация римского права
XVIII век	Мэнсфилд включает купеческое право в общее право	Подготовка континентальных кодификаций
1801-1804	Учреждение Лондонской фондовой биржи	Гражданский кодекс Наполеона
1865-1898	Упорядочение отчётов, строгий <i>stare decisis</i>	Германская пандектистика
1871	Маржинальная революция, субъективная ценность, отлична от переоценки запаса	Маржинализм вне общего права, Менгер и Вальрас

Источник. Составлено автором.

5. Философские основания комплементарности

Историческая параллель опирается на более глубокое философское родство, прослеживаемое по четырём линиям, охватывающим онтологию стоимости, номинализм, эпистемологию индукции и теорию спонтанного порядка. Затем отдельно излагается континентальный полюс, а раздел завершается очерком общего корня обоих порядков и его пределов.

5.1. Онтология стоимости

Аристотель и вслед за ним Фома Аквинский обсуждали справедливую цену, укоренённую в назначении вещи и в потребности. В позднесcholasticком анализе определение стоимости сместилось к рыночному обмену. По реконструкции де Ровера, для схоластов справедливая цена совпадала с ценой общей оценки участников рынка [de Roover, 1958]. Стоимость при таком понимании возникает из акта обмена и перестаёт быть внутренним свойством вещи, что в точности совпадает с онтологией оценки по замыкающей сделке.

5.2. Номинализм и реляционная стоимость

Уильям Оккам отрицал реальное существование универсалий, а также отношений и количеств как самостоятельных сущностей, признавая подлинными лишь единичные вещи и качества [Panassio, 2022]. Мир номиналиста состоит из частных, а общее есть имя. Такая метафизика созвучна и общему праву, выводящему правило из совокупности частных казусов, и рыночной цене, складывающейся из частных сделок. Джоэл Кэй показал, что быстрая монетизация и рыночный обмен XIV в. сформировали у схоластических мыслителей новую модель природы, основанную на количестве, отношении и равновесии [Kaye, 1998; Kaye, 2014].

5.3. Эпистемология индукции

Английская традиция от Фрэнсиса Бэкона к Дэвиду Юму придала знанию индуктивную форму, восходящую от частных наблюдений к общим правилам [Bacon, 1620; Hume, 1739]. Юм связал правила справедливости и собственности с обычаем и соглашением, складывающимися постепенно из повторяющегося опыта. В общем праве норма извлекается тем же образом из ряда решённых дел, а цена складывается на рынке через последовательность сделок. Хайек описал рыночную цену как процедуру передачи рассеянного знания, недоступного никакому единому уму [Hayek, 1945].

5.4. Спонтанный порядок

Хайек противопоставил выросший, спонтанный порядок и сделанный, устроенный порядок, а на уровне права различил выросшее право и установленное законодательство [Hayek, 1973]. И общее право, и рыночная система относятся к выросшему порядку, тогда как кодекс и план принадлежат порядку устроенному. Философия общего права разрабатывала тот же образ права как обычая и практики [Роскоп, 1957; Oakeshott, 1962; Postema, 1986].

5.5. Континентальный полюс. Рационализм и понятийная юриспруденция

Континентальная традиция образует симметричный полюс, и его основания заслуживают отдельного изложения. В эпистемологии ей отвечает рационализм Декарта, Лейбница и Вольфа, выводящий знание из общих начал дедуктивно, по образцу геометрии. В праве этот идеал воплотился в систематизации, при которой решение выводится из общего правила и не извлекается из ряда казусов. Историческая школа Савиньи и последующая пандектистика довели его до понятийной юриспруденции, строившей право как замкнутую систему понятий, из которой выводятся частные нормы [Wieacker, 1995]. Кодекс в этом смысле есть сделанный, устроенный порядок и в терминах Хайека принадлежит порядку *taxis*. Онтологически континентальному полюсу отвечает ценностный реализм, восходящий к аристотелевско-томистской справедливой цене, при котором стоимость мыслится как внутреннее свойство вещи, укоренённое в её назначении, и складывается независимо от отдельного обмена. Так континентальная линия последовательно противопоставит порядку предельной переоценки на всех уровнях, от онтологии стоимости до типа правового порядка.

5.6. Общий корень и его пределы

Онтология стоимости, возникающей из обмена, складывалась и в континентальной схоластике, а первая биржа с рыночной оценкой возникла в римско-голландском Амстердаме. Следовательно, философское основание шире правовой семьи, и связь между предельной оценкой и общим правом остаётся отношением сродства и усиления и не сводится к жёсткому порождению. Это согласуется и с известной трудностью веберовской социологии права, так называемой английской проблемой, состоящей в том, что общее право считалось менее формально рациональным, и всё же рыночный капитализм развился именно в его среде [Weber, 1978]. Эта трудность в литературе в значительной мере снята. Разрешение состоит в различении формально-логической рациональности и практической предсказуемости. Капитализму требуется прежде всего исчислимость и надёжность ожиданий, тогда как логическая замкнутость права необязательна, а общее право обеспечивало исчислимость иными средствами, а именно устойчивостью прецедента, централизованной корпорацией юристов в Лондоне и надёжной защитой собственности и договора [Ewing, 1987; North, Weingast, 1989]. При таком прочтении английская проблема растворяется, а порядок предельной переоценки предстаёт носителем собственной, прецедентной исчислимости.

6. Обзор литературы и пробел

Прямого анализа связи между оценкой по замыкающей цене и системой прецедента в доступной литературе обнаружить не удалось. Вокруг темы располагаются несколько смежных пластов. Прецедент трактуется как капитальный запас с измеримой стоимостью [Landes, Posner, 1976], изменение права описывается как последовательность предельных шагов [Gennaioli, Shleifer, 2007], аналогия между общим правом и рыночным порядком развивается в рамках гипотезы эффективности общего права [Rubin, 1977; Priest, 1977] и хайековской концепции спонтанного порядка [Науек, 1973], общее право эмпирически связывается с рыночной моделью финансирования [La Porta et al., 1998], прибыль своевременнее отражает рыночные новости в странах общего права [Ball, Kothari, Robin, 2000], а актив превращается в капитал через юридическое кодирование преимущественно английским и нью-йоркским правом [Pistor, 2019]. Все эти пласты существуют порознь, а конкретная гомология переоценки запаса по последней сделке и переоценки правовых ожиданий по последнему прецеденту как отдельно сформулированное положение отсутствует. Вместе с тем сам жанр, в котором форма хозяйства сопоставляется с формой мысли или института, давно признан. Зон-Ретель выводил абстрактные категории мышления из реальной абстракции товарного обмена, Лукач связал товарную форму с овеществлением сознания, Панофский обнаружил соответствие между строением готического собора и схоластической суммы, а Дюркгейм и Мосс сопоставили классификацию вещей с устройством общества [Sohn-Rethel, 1978; Lukács, 1971; Panofsky, 1951; Durkheim, Mauss, 1963]. Настоящая работа принадлежит этому жанру, и её новизна состоит в конкретной паре, оценке по замыкающей сделке и судебном прецеденте, тогда как сам приём сопоставления не нов. Это одновременно укрепляет законность подхода и умеряет притязание на новизну.

7. Проверяемые положения

Программа работы формулируется в пяти проверяемых положениях, сохраняющих все качественные выводы. Первое фиксирует гомологию и предельный характер обоих порядков. Второе описывает силу рассматриваемого порядка в общем праве. Третье касается исторического и философского родства. Четвёртое очерчивает границы тезиса. Пятое связывает его с двухконтурной архитектурой и устройством денежного контура. Положения различаются по статусу. Второе и пятое допускают прямую эмпирическую проверку, тогда как первое, третье и четвёртое носят скорее концептуальный и ограничивающий характер.

Таблица 3. Положения и итог их проверки

Положение	Содержание	Итог проверки
I. Гомология и предельность	Оценка по замыкающей сделке и оценка по последнему прецеденту образуют один порядок предельной переоценки, изменяющийся малыми последовательными шагами	концептуально связно и оригинально; предельный характер изменения права засвидетельствован
II. Сила в общем праве	В юрисдикциях общего права рыночная переоценка сильнее и своевременнее, самоусиление и склонность к пузырям выше, а торгуемые активы преимущественно оформлены английским и нью-йоркским правом	согласуется с данными, требует прямой оценки
III. Историко-философское родство	Оба порядка развивались в Англии совместно и восходят к общей онтологии стоимости из обмена, старшей и шире общего права	согласуется, синхронность слабая, общий корень ограничивает тезис
IV. Модерация без детерминации	Правовая семья усиливает порядок предельной переоценки, а решающей переменной остаётся устройство денежного контура	поддержано контрпримерами; чистый эффект правовой семьи ослабевает под контролями
V. Комплементарность и роль контура	Единый контур и общее право образуют одну устойчивую конфигурацию, двухконтурный барьер и кодекс другую, а устойчивость убывает с протечкой между контурами	согласуется на уровне конфигураций и в модели; причинность не доказана

Источник. Составлено автором.

8. Доказательная база по положениям

8.1. Гомология и предельность изменения

Первое положение проверяется на внутреннюю связность и на соответствие смежной литературе. Прямого анализа связи обнаружить не удалось, что подтверждает оригинальность постановки. Вместе с тем каждая половина гомологии имеет самостоятельное подтверждение. Со стороны права прецедент описан как капитальный запас [Landes, Posner, 1976], а его эволюция как ряд малых предельных шагов через различение прецедентов, повышающих точность нормы [Gennaioli, Shleifer, 2007]. Хатауэй описала изменение общего права как прерывистую, но стеснённую зависимостью от предшествующего пути эволюцию [Hathaway, 2001], а Понцетто и Фернандес показали постепенную сходимость прецедентного права к более эффективным правилам [Ponzetto, Fernandez, 2008]. Со стороны рынка цена описана как процедура передачи рассеянного знания, складывающаяся из отдельных сделок [Hayek, 1945]. Совпадение структуры этих описаний делает гомологию аналитически защищённой, а предельный, малошаговый характер изменения права остаётся преобладающей формой, тогда как разрывные пересмотры редки.

8.2. Сила предельной переоценки в общем праве

Второе положение прослеживается через информативность и своевременность цен, силу самоусиления и юридическое оформление торгуемых активов. Об информативности говорит работа Морка, Юнга и Ю, по которой в странах с сильной защитой собственности и общим правом котировки менее синхронны и вбирают больше специфической для фирмы информации [Morck, Yeung, Yu, 2000]. О своевременности говорит то, что в странах общего права прибыль быстрее отражает рыночные новости [Ball, Kothari, Robin, 2000], управление прибылью ниже при сильной защите инвесторов [Leuz, Nanda, Wysocki, 2003], а своевременное признание плохих новостей связано с правовыми институтами [Basu, 1997; Bushman, Piotroski, 2006]. О самоусилении говорит теория пузырей, в которой уровень цен рискованных активов определяется объёмом кредита [Allen, Gale, 2000], тем, что рыночные системы несут основные потери при обвалах рынка акций [Levine, 2002], и усилением финансового акселератора в либерализованных ипотечных рынках англосаксонского типа [Muellbauer, Murphy, 2008]. Наконец, около сорока пяти процентов международных суверенных облигаций подчинены английскому праву и около пятидесяти двух процентов нью-йоркскому, что описано как кодирование капитала [Chamon, Schumacher, Trebesch, 2018; Pistor, 2019]. Существенная оговорка состоит в том, что все эти результаты получены в иных постановках и служат согласующимися косвенными свидетельствами и не являются прямой проверкой. Само прямое сопоставление скорости переноса и самоусиления с правовой семьёй пока не проводилось, и при контроле глубины рынка и статутного регулирования раскрытия эффект правовой семьи может ослабнуть или исчезнуть, что и составляет главный риск положения.

8.3. Историко-философское родство и общий корень

Третье положение опирается на материал разделов 4 и 5. По исторической линии прослеживается совместное развитие обоих порядков от доктрины открытого рынка до строгого прецедента и биржевой котировки [Baker, 2019; Neal, 1990]. По философской линии обнаруживается их общее основание в стоимости из обмена, прямо высказанной школой Саламанки, отвергшей определение цены по издержкам [Grice-Hutchinson, 1952; Chafuen, 2003], и в реляционной модели мира, сложившейся из опыта рынка [Kaye, 1998]. Существенно, что эта онтология старше и шире общего права, поэтому родство остаётся отношением сродства и усиления и не сводится к жёсткому порождению. Синхронность двух линий растянута на столетия и проверяется лишь качественно.

8.4. Модерация без детерминации

Четвёртое положение подтверждается наличием одноконтурных крахов вне общего права и ослаблением чистого эффекта правовой семьи под институциональными контролями. Сарджент разобрал четыре большие инфляции начала 1920-х годов в Австрии, Венгрии, Польше и Германии, вызванные эмиссионным финансированием дефицитов [Sargent, 1982]. Все четыре страны принадлежат кодифицированному праву. К ним примыкают система Ло и ассигнаты во Франции [Murphy, 1997; White, 1995] и более ранняя гибель бумажных денег в Сунском Китае [Von Glahn, 1996]. Раджан и Зингалес показали, что неизменные во времени правовые истоки не объясняют разворотов финансового развития, тогда как открытость и политика объясняют их лучше [Rajan, Zingales, 2003], Аджемоглу с соавторами возвели развитие к институтам защиты собственности [Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001; Acemoglu, Johnson, 2005], а Ро связал фондовые рынки с политикой [Roe, 2006], что согласуется с тезисом Норта и Вайнгаста об общей причине [North, Weingast, 1989]. Эффект правовой семьи при этом не исчезает полностью, и его защитники приводят свидетельства устойчивого влияния [La Porta, Lopez-de-Silanes, Shleifer, 2008]. Основная причинная нагрузка ложится на устройство денежного контура, а правовой семье остаётся роль вторичного усилителя. Симметрии ради следует назвать и издержки противоположного полюса. Двухконтурная и кодексная конфигурация несёт собственные болезни, а именно дефицит, ренту и злоупотребления на границе контуров и жёсткость, так что сопоставление двух полюсов не является возвеличиванием одного из них.

8.5. Комплементарность и роль денежного контура

Пятое положение опирается на кластеризацию институтов и модельную зависимость устойчивости от протечки. Теория разновидностей капитализма относит к либеральным рыночным экономикам Соединённые Штаты, Британию, Ирландию, Канаду, Австралию и Новую Зеландию, то есть страны общего права, с крупными прозрачными рынками акций и чувствительностью управляющих к котировке, а образцом координируемой экономики с банковским финансированием служит Германия [Hall, Soskice, 2001]. Совпадение либеральной конфигурации с общим правом поддерживает представление о парной комплементарности. Прямую проверку связи устойчивости с протечкой позволяет провести имитационная модель, в которой самоусиление включается лишь при ненулевой протечке между контурами, вследствие чего рост протечки повышает вероятность необратимой перестройки [Сухомлинов, 2026a]. Реальным аналогом служит финансовая либерализация, повышавшая частоту банковских кризисов [Demirgüç-Kunt, Detragiache, 1998; Kaminsky, Reinhart, 1999], что согласуется с положением Маккиннона об изоляции контуров [McKinnon, 1991]. Оговорка состоит в том, что совместная встречаемость институтов свидетельствует о комплементарности и сама по себе не доказывает причинного порождения.

9. Российский опыт

Территория Руси, Российской империи, СССР и постсоветских государств образует почти контролируемый эксперимент по обеим осям работы, правовой и денежной, поскольку на ней последовательно сменились почти все состояния, о которых шла речь. Ниже эта смена прослеживается от XII в. до наших дней, и российский материал одновременно и подкрепляет тезис, и его осложняет.

9.1. Вечевая Русь и утраченный рыночный полюс

Исходная точка двойственна. Светское право Русская Правда по происхождению обычное и казусное, выросшее из судебной практики и княжеских уставов, тогда как через Церковь входит византийско-римская линия Кормчей книги, ранний росток кодифицированного начала. Существеннее другое. Новгород и Псков были купеческими республиками с вечем, развитым торговым и процессуальным правом, выраженным в судных грамотах, и рыночным ценообразованием в балтийско-ганзейской торговле, а расчёты в безмонетный период XII–XIV вв. велись серебряными гривнами и товарными деньгами. Это отечественный образец полюса с рыночной оценкой и обычным правом, родственного порядку общей оценки. Существенно, что этот полюс со временем уступил централизованному укладу Московского государства, после присоединения Новгорода в 1478 году. Следовательно, административный характер позднейшего хозяйственного строя сложился в ходе исторического развития, а начало с рыночной оценкой и обычным правом принадлежит русской традиции не меньше [Gregory, Stuart, 2001].

9.2. Московское государство и поворот к нормативной оценке

При Московском государстве страна смещается к полюсу нормативной оценки. Право кодифицируется государством, от Судебников 1497 и 1550 годов до Соборного уложения 1649 года, которое закрепляет крепостное право, то есть определяет ценность земли и труда декретом. Хозяйство становится тяглым, с казёнными монополиями и назначаемыми ценами. Сюда же относится первый крупный русский эпизод одноконтурного краха, Медный бунт 1662 года, когда выпуск медной монеты по серебряному номиналу для финансирования войны обесценил её и вызвал восстание [Gregory, Stuart, 2001]. По логике это продолжение ряда, к которому принадлежат система Ло и ассигнаты.

9.3. Российская империя между бумажными и металлическими деньгами

В имперский период сходятся три линии. В праве Сперанский проводит кодификацию, Полное собрание законов 1830 года и Свод законов 1832 года ставят Россию в романо-германскую семью по форме, а судебная реформа 1864 года вводит состязательность, и решения Сената начинают действовать квазипрецедентно, что показывает прорастание прецедента внутри кодекса. В деньгах ассигнаты Екатерины II с 1769 года, выпущенные в избытке во время наполеоновских войн, обесцениваются и выправляются металлическим якорем, реформой Канкрин 1839–1843 годов и золотым рублём Витте 1897 года [Kahan, 1985]. Рыночно-биржевой полюс тоже присутствует, с Петербургской биржей и рыночной переоценкой железнодорожных акций и государственных бумаг. Показателен и особый пример административной оценки центрального актива, выкупные платежи при отмене крепостного права 1861 года, когда стоимость земли и повинностей назначается декретом.

9.4. Советская система как предел нормативной оценки

Советская экономика доводит полюс нормативной оценки до предела и полнее всего в истории воплощает двухконтурность, установленную кредитной реформой 1930–1932 годов [Сухомлинов, 2026б; McKinnon, 1991]. Цены назначает план, а наиболее тонким её выражением стала попытка Канторовича вывести объективно обусловленные оценки дедуктивно, из структуры оптимального плана [Канторович, 1959]. Это конструктивистский, рационалистский антипод общей оценки, при котором ценность выводится из системы подобно норме из кодекса. Правовой порядок здесь предельно статутный и лишённый обязательного прецедента, то есть чистый устроенный порядок, тогда как колхозный рынок и вторая экономика сохраняют живое рыночное ценообразование в подполье [Grossman, 1977]. Слом одностороннего шлюза в 1987–1988 годах, когда обналичивание пустило инвестиционные деньги в потребительский оборот, породил денежный навес и коллапс 1991 года.

9.5. Постсоветский период и оговорки к тезису

Либерализация цен 1992 года насильственно возвращает общую рыночную оценку хозяйству, отвыкшему от неё, ценой гиперинфляции и обесценения сбережений. Приватизация создаёт биржу и рыночную переоценку, но рынок тонок и олигархичен, с малой долей бумаг в свободном обращении, что даёт учебный пример сильного зонтика на тонком рынке. Дефолт 1998 года по государственным облигациям есть одноконтурный долговой крах, а кризисы 2008 и 2014 годов суть зонтики импортируемой инфляции через слабый и долларизированный рубль. Право заново кодифицируется по германско-голландским лекалам с Гражданским кодексом 1994 года, однако правовые позиции Конституционного и арбитражных судов действуют как обязательные, что вновь показывает прорастание прецедента [Gregory, Stuart, 2001].

Российский материал осложняет тезис, и это стоит признать прямо. Во-первых, чистая пара кодифицированного права и банковской модели на России 1990-х годов распадается, поскольку в стране кодифицированного права развернулась бурная рыночная переоценка, то есть кластер даёт трещину там, где ожидалось подтверждение. Во-вторых, пример Новгорода говорит о том, что полюс с рыночной оценкой и обычным правом тоже русский, а значит континентальность России не изначальна. В-третьих, квазипрецедент Сената и позднейших высших судов подтверждает взаимопроникновение двух порядков внутри самого русского права. В совокупности российская история служит и сильнейшим подтверждением монетарной части тезиса, и трезвым напоминанием о том, что связь правовой семьи с типом оценки протупает лишь как тенденция.

10. Направления дальнейшей проверки

Прямая проверка сталкивается со смешением факторов, поскольку правовая семья исторически сцеплена с глубиной рынка, открытостью границы для капитала и защитой собственности. Разграничение достигается двумя приёмами. Первым приёмом служит межстрановая панель, в которой скорость переноса и степень самоусиления сопоставляются с правовой семьёй при одновременном контроле глубины и ликвидности рынка, открытости счёта операций с капиталом и защиты прав собственности. Второй приём опирается на внутрисистемные естественные эксперименты по введению и снятию межконтурного барьера, при которых денежная архитектура меняется, а правовая семья остаётся постоянной. К последним относятся кредитная реформа 1930-1932 годов и легализация обналичивания 1987-1988 годов в СССР, режим закрытой по капиталу границы и оконного руководства в КНР, а также оптовый рынок электроэнергии, на котором механизм замыкающей цены действует в чистом виде. Совместное применение обоих приёмов отделяет вклад правовой семьи от вклада денежного контура и от общей коммерческо-конституционной причины.

Работе необходимы явные условия опровержения. Тезис о правовой гомологии следует считать несостоятельным, если в межстрановой панели с контролем глубины рынка, открытости капитала и защиты собственности модерация правовой семьёй скорости переноса и самоусиления окажется статистически неотличимой от нуля. Тогда уцелеет лишь монетарный тезис о роли контура, а правовая половина будет признана иллюстративной. Столь же несостоятельным тезис следует признать, если строгое разделение контуров не понизит перенос и самоусиление по сравнению с сопоставимыми одноконтурными случаями. Наконец, у работы есть нормативная заинтересованность в двухконтурной архитектуре, поэтому оценка двух полюсов удерживается симметричной, без предпочтения рыночному или плановому по умолчанию.

11. Общий вывод

Проведённое исследование началось с частного наблюдения о том, что при подорожании последней ввезённой единицы дорожает и весь давно лежащий запас, а завершилось утверждением о целом семействе институтов, устроенных по единому началу. Это начало уместно назвать порядком предельной переоценки. Стоимость или смысл всего накопленного определяются последней авторитетной единицей, будь то замыкающая сделка на рынке или последнее решение суда, и прежние единицы переоцениваются вслед за ней.

Рыночный пузырь и инфляция при этом перестают быть двумя разными явлениями, поскольку оба суть один и тот же зонтик, раскрытый над запасом активов и над потоком товаров. Зонтик достигает наибольшей силы там, где деньги обращаются единым потоком, свободно переливаясь между вложением, спекуляцией и потреблением, а разделение обращения на два обособленных контура придавливает его, разрывая петлю самоусиления. У этого ценового порядка обнаружился правовой близнец, поскольку система судебного прецедента уточняет смысл всего корпуса норм последним решением так же, как рынок переоценивает запас последней сделкой. Историческое соседство придаёт этому родству осязаемость, ведь оба порядка вызревали в Англии в одном институциональном пространстве, а их общий корень лежит в стоимости из обмена, номинализме, индукции и спонтанном порядке.

Вместе с тем у этих выводов есть свои границы. Онтология стоимости из обмена старше общего права и шире его, крахи единого денежного контура случались во всех правовых семьях, а устойчивое ядро различий, по всей видимости, восходит к общей причине, к раннему коммерческому обществу с надёжной защитой собственности и договора. Поэтому правовая семья остаётся усилителем и спутником рассматриваемого начала, тогда как решающей переменной служит устройство денежного контура. В российской истории денежная часть тезиса подтверждается особенно наглядно. Неустойчивость единого контура проявлялась на территории Руси, Российской империи и СССР снова и снова, а двухконтурное устройство нигде не было доведено до такой полноты, как в советской экономике. Правовая половина тезиса на русском материале подтверждается лишь отчасти. В кодифицированной России 1990-х годов рынок бурно переоценивал активы, а в средневековом Новгороде существовал уклад, сочетавший рыночную оценку с обычным правом, поэтому связь правовой семьи с типом оценки проступает здесь лишь как тенденция. В итоге ценность целому можно назначать двумя способами. При первом она складывается из последних частных актов и потому подвижна, чувствительна к новизне и склонна к самоусилению, а за эту живость приходится платить периодической хрупкостью. При втором она выводится из установленного заранее правила и потому устойчива и предсказуема, а за эту прочность приходится платить негибкостью и опасностью дефицита. Понимание того, что денежный зонтик, судебный прецедент и рыночная онтология стоимости суть проявления одного и того же порядка предельной переоценки, позволяет обсуждать выбор денежного и правового устройства трезво, взвешивая достоинства каждого решения вместе с его издержками.

Литература

- Канторович Л.В. Экономический расчёт наилучшего использования ресурсов. Изд-во АН СССР, 1959.
- Сухомлинов В.В. Имитационная модель устойчивости многоукладной экономики. Zenodo, 2026a. DOI 10.5281/zenodo.21382694.
- Сухомлинов В.В. Двухконтурная экономика. Философско-исторические основания, теоретические модели и отличие от системы кредитных денег. Zenodo, 2026b. DOI 10.5281/zenodo.21490098.
- Сухомлинов В.В. Пределы полной автоматизации производства. Провал концепции Alien Dreadnought и системные основания гибридных производственных архитектур. Zenodo, 2026v. DOI 10.5281/zenodo.21603085.
- Acemoglu D., Johnson S. Unbundling Institutions. *Journal of Political Economy*, 2005. Vol. 113. P. 949-995.

- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Colonial Origins of Comparative Development. *American Economic Review*, 2001. Vol. 91. P. 1369-1401.
- Allen F., Gale D. Bubbles and Crises. *Economic Journal*, 2000. Vol. 110. P. 236-255.
- Bacon F. *Novum Organum*. 1620.
- Baker J.H. *An Introduction to English Legal History*. Oxford University Press, 2019.
- Bain J. *Barriers to New Competition*. Harvard University Press, 1956.
- Ball R., Kothari S.P., Robin A. The Effect of International Institutional Factors on Properties of Accounting Earnings. *Journal of Accounting and Economics*, 2000. Vol. 29. P. 1-51.
- Ball R., Robin A., Sadka G. Is Financial Reporting Shaped by Equity Markets or by Debt Markets. *Review of Accounting Studies*, 2008. Vol. 13. P. 168-205.
- Basu S. The Conservatism Principle and the Asymmetric Timeliness of Earnings. *Journal of Accounting and Economics*, 1997. Vol. 24. P. 3-37.
- Bushman R., Piotroski J. Financial Reporting Incentives for Conservative Accounting. *Journal of Accounting and Economics*, 2006. Vol. 42. P. 107-148.
- Chafuen A. *Faith and Liberty. The Economic Thought of the Late Scholastics*. Lexington Books, 2003.
- Chamon M., Schumacher J., Trebesch C. Foreign-Law Bonds. Can They Reduce Sovereign Borrowing Costs. *Journal of International Economics*, 2018. Vol. 114. P. 164-179.
- de Roover R. The Concept of the Just Price. *Journal of Economic History*, 1958. Vol. 18. P. 418-434.
- Demirgüç-Kunt A., Detragiache E. Financial Liberalization and Financial Fragility. IMF Working Paper 98/83, 1998.
- Durkheim E., Mauss M. *Primitive Classification*. University of Chicago Press, 1963.
- Ewing S. Formal Justice and the Spirit of Capitalism. *Weber's Sociology of Law. Law and Society Review*, 1987. Vol. 21. P. 487-512.
- Gennaioli N., Shleifer A. The Evolution of Common Law. *Journal of Political Economy*, 2007. Vol. 115. P. 43-68.
- Gregory P., Stuart R. *Russian and Soviet Economic Performance and Structure*. Addison-Wesley, 2001.
- Grice-Hutchinson M. *The School of Salamanca. Readings in Spanish Monetary Theory 1544-1605*. Clarendon Press, 1952.
- Grossman G. The Second Economy of the USSR. *Problems of Communism*, 1977. Vol. 26. P. 25-40.
- Hall P., Soskice D. *Varieties of Capitalism. The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Oxford University Press, 2001.
- Hathaway O. Path Dependence in the Law. *Iowa Law Review*, 2001. Vol. 86. P. 601-665.
- Hayek F. The Use of Knowledge in Society. *American Economic Review*, 1945. Vol. 35. P. 519-530.
- Hayek F. *Law, Legislation and Liberty*. Vol. 1. University of Chicago Press, 1973.
- Holdsworth W. *A History of English Law*. Vol. 8. Methuen, 1925.
- Hotelling H. The General Welfare in Relation to Problems of Taxation and of Railway and Utility Rates. *Econometrica*, 1938. Vol. 6. P. 242-269.
- Hume D. *A Treatise of Human Nature*. 1739.
- Inderst R., Maier-Rigaud F., Schwalbe U. Umbrella Effects. *Journal of Competition Law and Economics*, 2014. Vol. 10. P. 739-763.
- Jevons W.S. *The Theory of Political Economy*. Macmillan, 1871.
- Kahan A. *The Plow, the Hammer, and the Knout. An Economic History of Eighteenth-Century Russia*. University of Chicago Press, 1985.
- Kaminsky G., Reinhart C. The Twin Crises. *American Economic Review*, 1999. Vol. 89. P. 473-500.
- Kaye J. *Economy and Nature in the Fourteenth Century*. Cambridge University Press, 1998.
- Kaye J. *A History of Balance, 1250-1375*. Cambridge University Press, 2014.
- La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. Law and Finance. *Journal of Political Economy*, 1998. Vol. 106. P. 1113-1155.
- La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. The Economic Consequences of Legal Origins. *Journal of Economic Literature*, 2008. Vol. 46. P. 285-332.
- Landes W., Posner R. Legal Precedent. *Journal of Law and Economics*, 1976. Vol. 19. P. 249-307.
- Leuz C., Nanda D., Wysocki P. Earnings Management and Investor Protection. *Journal of Financial Economics*, 2003. Vol. 69. P. 505-527.
- Levine R. Bank-Based or Market-Based Financial Systems. *Journal of Financial Intermediation*, 2002. Vol. 11. P. 398-428.
- London Street Tramways Co Ltd v London County Council*. UKHL, 1898.
- Lukács G. *History and Class Consciousness*. Merlin Press, 1971.
- McKinnon R. Financial Control in the Transition from Classical Socialism to a Market Economy. *Journal of Economic Perspectives*, 1991. Vol. 5. P. 107-122.
- Modigliani F. New Developments on the Oligopoly Front. *Journal of Political Economy*, 1958. Vol. 66. P. 215-232.

- Morck R., Yeung B., Yu W. The Information Content of Stock Markets. *Journal of Financial Economics*, 2000. Vol. 58. P. 215–260.
- Muellbauer J., Murphy A. Housing Markets and the Economy. *Oxford Review of Economic Policy*, 2008. Vol. 24. P. 1–33.
- Murphy A. John Law. Economic Theorist and Policy-Maker. Clarendon Press, 1997.
- Neal L. The Rise of Financial Capitalism. Cambridge University Press, 1990.
- Nobes C. A Judgemental International Classification of Financial Reporting Practices. *Journal of Business Finance and Accounting*, 1983. Vol. 10. P. 1–19.
- North D., Weingast B. Constitutions and Commitment. *Journal of Economic History*, 1989. Vol. 49. P. 803–832.
- Oakeshott M. Rationalism in Politics and Other Essays. Methuen, 1962.
- Panaccio C. Ockham's Nominalism. Oxford University Press, 2022.
- Panofsky E. Gothic Architecture and Scholasticism. Meridian Books, 1951.
- Pistor K. The Code of Capital. Princeton University Press, 2019.
- Pocock J.G.A. The Ancient Constitution and the Feudal Law. Cambridge University Press, 1957.
- Ponzetto G., Fernandez P. Case Law versus Statute Law. *Journal of Legal Studies*, 2008. Vol. 37. P. 379–430.
- Postema G. Bentham and the Common Law Tradition. Clarendon Press, 1986.
- Priest G. The Common Law Process and the Selection of Efficient Rules. *Journal of Legal Studies*, 1977. Vol. 6. P. 65–82.
- Rajan R., Zingales L. The Great Reversals. *Journal of Financial Economics*, 2003. Vol. 69. P. 5–50.
- Roe M. Legal Origins, Politics, and Modern Stock Markets. *Harvard Law Review*, 2006. Vol. 120. P. 460–527.
- Rubin P. Why Is the Common Law Efficient. *Journal of Legal Studies*, 1977. Vol. 6. P. 51–63.
- Sargent T. The Ends of Four Big Inflations. University of Chicago Press, 1982. P. 41–97.
- Schweppe F., Caramanis M., Tabors R., Bohn R. Spot Pricing of Electricity. Kluwer Academic Publishers, 1988.
- Sohn-Rethel A. Intellectual and Manual Labour. A Critique of Epistemology. Macmillan, 1978.
- Von Glahn R. Fountain of Fortune. Money and Monetary Policy in China, 1000–1700. University of California Press, 1996.
- Weber M. Economy and Society. University of California Press, 1978.
- White E. The French Revolution and the Politics of Government Finance, 1770–1815. *Journal of Economic History*, 1995. Vol. 55. P. 227–255.
- Wieacker F. A History of Private Law in Europe. Clarendon Press, 1995.

Closing-Transaction Valuation and Judicial Precedent. The Complementarity of Single-Circuit Money and Common Law

Vladimir V. Sukhomlinov

Independent researcher, individual entrepreneur
105203, Russia, Moscow, 12th Parkovaya St., 7, room 23
E-mail 8vladimir8@gmail.com, v@8vladimir8.ru

The paper advances and examines the hypothesis that the principle of valuing the entire accumulated stock of goods and assets at the price of the closing transaction, characteristic of a monetary system with a single circuit of credit money, is institutionally akin to the system of judicial precedent. Both institutions embody a single order of marginal revaluation in which the value or meaning of the whole is set by the last authoritative unit, a transaction or a decision. The thesis is supported by a historical study of the parallel emergence of both orders in England, from the doctrine of market overt and immemorial custom to strict precedent and stock-market quotation, by a philosophical study of their common foundations in the ontology of value arising from exchange, in nominalism, in inductive epistemology and in the theory of spontaneous order, and by a review of the evidence for five testable propositions. Market revaluation is shown to be stronger and more timely in common-law jurisdictions, while the legal family amplifies the mechanism and the architecture of the monetary circuit remains the decisive variable. Counterexamples of single-circuit collapses in civil-law jurisdictions confine the thesis to a moderating rather than a determining role. The Russian record from veche-era Novgorod through the Soviet economy to post-Soviet reforms is examined as a natural experiment along both axes, and the monetary part of the thesis is confirmed clearly while the legal part is confirmed only in part.

Key words. price umbrella, closing price, judicial precedent, common law, legal origins, just price, nominalism, spontaneous order, dual-circuit money.

JEL Classification. B11, B52, E42, G12, K11, K40, P51.